Н. С. ЕРМОЛАЕВА

О ТАК НАЗЫВАЕМОМ «ЛЕНИНГРАДСКОМ МАТЕМАТИЧЕСКОМ ФРОНТЕ»

В 1930 г. перестало существовать Ленинградское физико-математическое общество, созданное в 1920 г. и возглавляемое Н. М. Гюнтером, членом-корреспондентом АН СССР с 1924 г. История этого события относится к теме «наука и власть», различные аспекты которой привлекают внимание многих авторов. В частности, этой теме была посвящена статья Н. Я. Виленкина [1]. Чтобы выяснить обстановку вокруг этого важного события в математической жизни Ленинграда, надо начать издалека, с 1917 г., и затронуть хотя бы схематично политику государства в области подготовки научных кадров, реорганизации высшей школы и т. д. Безусловно, людям, не переживавшим лично события тех лет, трудно понять психологическую обстановку той эпохи. Многие факты не нашли отражения ни в печати, ни в архивных материалах.

В 1918 г. в Петрограде начались превентивные аресты. Террор усилился после убийств В. Володарского (М. М. Гольдштейна) и М. С. Урицкого. Среди жертв было немало профессоров и крупных специалистов высших военных и технических учебных заведений. Так, известно, что в 1918 г. в лагере «Медведь» под Новгородом находился в заключении профессор Морской академии И. Г. Бубнов (1872—1919), которого по счастливой случайности освободили.

Сразу после революции в вузы принимали без экзаменов всех желающих старше 16 лет, и если число желающих учиться превосходило число мест, то рекомендовалось отдавать предпочтение рабочим и детям рабочих. Высшая школа стала заполняться малограмотными студентами. Вскоре этот порядок был несколько изменен. Нельзя было поступить в вуз без специального направления, был резко ограничен прием лиц непролетарского происхождения. Правда, теперь нужна была справка об окончании школы [2].

В конце 20-х гг. наряду с «чистками» различных организаций проводилась и «чистка» студенческих рядов. Студенты отчислялись даже с последнего курса как скрывшие свое социальное происхождение.

Что касается профессорско-преподавательского состава, то за неимением выбора власти до поры до времени были вынуждены терпеть прежнюю профессуру, стараясь, однако, уменьшить ее авторитет перед молодежью. С этой целью в 1921 г. кафедры заменялись предметными комиссиями, состоявшими из научных работников и студентов в равном числе, при этом предпочтение отдавалось партийным.

В 1923 г. было создано Центральное бюро пролетарского студенчества при ВЦСПС, которое должно было организовать воспитательную работу среди студентов в нужном властям направлении. В научном плане на первое место ставились только те исследования, которые непосредственно могли служить практическим запросам хозяйства страны. Высшая школа должна была давать только практические навыки. Даже О. Ю. Шмидт на Первой всесоюзной конференции пролетарского студенчества в 1925 г. сказал: «Учебное заведение служит не для развития личностей.., а для снабжения их орудиями практических знаний и умением этими орудиями владеть» (цит. по: [3, с. 225—226]).

Фундаментальные науки представлялись отжившими и связывались с их носителями — университетскими профессорами, которые почти все считались классовыми врагами. Не случайно в газетной статье 1930 г. некоего Е. Воронова есть ссылка на слова из «Политического завещания» Ф. Энгельса, опубликованного в нашей стране в 1922 г.: «... техники будут нашими принципиальными противниками, они будут обманывать и изменять нам, где только возможно, и нам придется применять против них террор и расстреливать их»* (цит. по: [4]). Автор статьи добавил: «Если в первые годы

* Приведенные слова Энгельса взяты из его письма А. Бебелю от 24.10.1891 г., напечатанного в немецком издании 1920 г. [5, с. 24—26] и опубликованного в искаженном русском переводе в 1922 г. и переизданного в 1923 г. [6, с. 23—25]. При издании сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса перевод со временем уточняли: так, глагол «расстреливать» из [6] заменен «устранением» [7, с. 356] и «устрашением» [8, с. 163]. Слов «террор», «расстрел» и «устранение» в [5] нет.

ВИЕТ. 1995. № 4. С. 66—74. © Н. С. Ермолаева

после Октября мы „нейтрально“ относились к нейтральности, то дальше это продолжаться не может» [там же].

Большую роль для нашей истории сыграла созданная в 1918 г. Коммунистическая академия, до 1923 г. называвшаяся Социалистической, назначение которой состояло в развитии марксистской теории. В 1916 г. в ней была создана секция естественных и точных наук, возглавляемая О. Ю. Шмидтом. Членами секции стали профессора В. Ф. Каган, Н. П. Кастерин, В. А. Костицын, А. Я. Хинчин, В. Г. Фесенков. К работе секции было привлечено большое число научных сотрудников. Эта академия просуществовала до 1936 г.

В 1928 г. при Комакадемии работал кружок математиков и физиков-материалистов. Аналогичные общества были созданы и в других областях науки: общества врачей-материалистов, биологов-материалистов, статистиков-материалистов и т. д.

Доклады, которые ставились секцией математики при Академии, носили либо философско-исторический характер, либо чисто математический. Для примера назовем несколько докладов, запланированных Комакадемией на 1928—1929 гг.:

— В. Ф. Каган. Конвенционализм и материализм в математике.

— Л. А. Люстерник. Взаимоотношения между категориями качества и количества в математических науках.

— Л. Г. Шнирельман. Эволюция понятия функции.

— А. О. Гельфонд. Эволюция понятия интеграла.

— А. Н. Колмогоров. Интуиционизм и московская школа (Н. Н. Лузина).

— Л. М. Лихтенбаум. Локально-связный континуум и пространство Люстерника (см.: [9, с. 47—49]).

Предполагались коллоквиумы: по теории групп и ее приложениям к анализу и геометрии (О. Ю. Шмидт, Л. А. Люстерник, В. И. Гливенко, А. О. Гельфонд); по качественным методам анализа и механики (Л. М. Лихтенбаум и Л. Г. Шнирельман) и даже семинар по прикладной математике под руководством Н. Н. Лузина.

Не ясно, в какой мере осуществились намеченные планы, однако некоторые доклады повторялись на заседаниях Московского математического общества, а журналы «Естествознание и марксизм» и «Вестник Коммунистической академии» печатали статьи московских математиков.

29 декабря 1928 г. в Ленинграде была создана математическая подсекция естественнонаучной секции при Научном обществе марксизма Комакадемии, которая имела к этому времени свой филиал в Ленинграде. В нее входили А. Д. Дрозд, Л. А. Лейферт, В. В. Люш, В. И. Милинский, Е. С. Рабинович и др. (всего 16 человек). Все эти люди в научном плане интереса не представляли, а некоторые из них получили звание профессоров без защиты диссертации. Их работа заключалась в «собирании материалов по марксистской литературе в вопросах математики и ее методологии», чтении докладов по историко-математическим вопросам в духе марксизма, пропаганде марксистских идей в области математики и в вопросах «постановки математического образования в СССР под углом зрения пропаганды марксизма». Но они понимали, что собственными силами успеха «не достичь, а потому надо привлечь специалистов-немарксистов, в первую очередь новых академиков и профессоров вузов» [10].

Лидером такого общества в Ленинграде стал Л .А. Лейферт, доцент Ленинградского университета. Сын состоятельного отца, кажется, владельца книгоиздательства, Лейферт окончил Петербургский университет в 1909 г. Будучи студентом, перешел в православие. В 20-е гг., когда социальное происхождение имело большое значение для карьеры, Лейферт всячески подчеркивал свою «революционность», не гнушаясь при этом никакими средствами. Так, благодаря его стараниям, некоторых талантливых выпускников Университета, например С. Г. Михлина, не приняли в аспирантуру. Вот еще один пример, рассказанный мне профессором С. Н. Нумеровым. На занятиях в университете Лейферт однажды сказал: «Вот здесь сидит Нумеров. А его дед в свое время выгнал меня из гимназии». Это было ложью, да и гимназию Лейферт окончил с серебряной медалью, но некоторые студенты делали нужные им выводы и доносили, как в случае с С. Н. Нумеровым.

Итак, к 1930 г. аполитичности властям было уже мало. Начинаются перевыборы профессуры. Этому мероприятию посвятил статью в «Известиях» А. Я. Вышинский, в то время бывший ректором Московского университета. В этой статье он яростно клеймил высказывания типа: «наука объективна» или «Ньютон и без марксизма открыл бы свои законы», а профессуру называл классовым врагом [11].

Принцип выборности в высшей школе заменился системой назначения, зато студенческие организации были освобождены «от административно-педагогических функций» [12]. Теперь полагалось «ректорами назначать крупных партийных организаторов, главное — стойких, пусть и менее опытных в деле высшего образования» [13, с. 57]. Кстати, в 1930 г. слова «ректор» и «декан» были заменены на «директор» и «заведующий», как на предприятиях, так как прежние — означали звания, которые носили главы монашеских коллегий и настоятели монастырей, — об этом поведал читателям «Известий» Вышинский [14].

Все общество, не исключая и высшую школу, должно быть пронизано идеей коллективизации, провозглашенной на XVI съезде ВКП(б). Немного позднее начали пропагандировать другой лозунг — о планировании всего и вся. Вместе с марксистской диалектикой все это начали внедрять и в математику. Газета «Ленинградская правда» в передовой статье писала: «Самое важное с точки зрения строительства мы уже сделали. Нам остается немного: изучить технику, овладеть наукой» [15].

В Москве главным математическим идеологом стал Э. Я. Кольман. Одна за другой в газетах и журналах появляются его статьи (см., например, [16—24], а также передовую статью в [25], где подписи автора нет, но нетрудно догадаться, что это писал Кольман). Суть всех этих статей, как и аналогичных других авторов, состоит в следующем.

Именно математика, внешне самая аполитичная наука, явилась средоточием реакционной буржуазной философии, в том числе интуиционизма и конвенционализма. Самой реакционной является Московская математическая школа, которая объявила себя вне политики. «Так говорили Васильевы, Богомоловы, Флоренские и печатали свои мистические, махрово-идеалистические математические сочинения; так говорили Егоровы, затаив смертельную ненависть к социалистическому строительству; так мотивировали и те математики, которые уклонились подписать воззвание к заграничным ученым по поводу вредительства» [25, с. 7].

В числе неподписавших упомянутое воззвание был и Н. Н. Лузин, на которого Кольман неоднократно, хотя и однообразно, обращал жало своей критики (см.: [19—22, 25]).

Работы интуициониста Лузина — «пустые абстракции». Это положение Кольман обосновывает на примере задачи об охлаждении стержня (к работам Лузина, кстати, не имевшей отношения). При этом, по Кольману, получается, что Лузин, беря «за основу континуум, из которого выбрасывает все имеющиеся рациональные ординаты точек, и таким образом получает абсолютную дискретность, еще менее применимую к действительности, чем абсолютная непрерывность» [20, с. 34]. Корень зла, мол, в том, что математики не могут «диалектически понять единство прерывного и непрерывного, статического и динамического» [там же]. И вообще математика — не царица наук, она всегда была служанкой физики, механики, химии [25, с. 6]. Математику, как и всю науку, надо перестроить на марксистских началах, а выдвижение новых проблем в науке должно происходить в плановом порядке (см.: [16]). Как это сделать? Кольман дает следующий ответ.

Во-первых, математика не должна быть оторвана от практики (единство теории и практики). Во-вторых, надо оставить в математике только передовые методы, причем унифицировать их. Далее надо отказаться от формальной логики, от аксиоматики в теории вероятностей. Затем создать на высшей основе синтез арифметики, алгебры и анализа, уничтожить разрыв между прерывностью и непрерывностью [21].

Есть и коренные советы: Кольман предлагает «суммировать ряды и находить корни уравнений вероятностным путем» [там же]. Кроме того, «мы должны развивать математику в сторону дальнейшего уточнения качественных различий в области самого количества», а математики должны усвоить себе «действительную связь между конкретным и абстрактным». Основной путь для достижения всего этого «состоит в изу-

чении истории развития самой науки методом Маркса — Энгельса — Ленина» [22].

Конечно, положительные примеры в нашей математике тоже есть. Кольман оценил только один: внедрение Люстерником и Шнирельманом топологических методов в вариационное исчисление [там же]. А вот С. А. Яновская восторгалась учебником по статистике [26] под редакцией Б. С. Ястремского и В. И. Хотимского, в котором марксистская методология позволила авторам создать новое учение о средних, применимое для планового хозяйства (см.: [27]). (Эти авторы в своих публикациях по математической статистике всячески охаивали А. А. Маркова, А. А. Чупрова, Е. Е. Слуцкого, а также западных статистиков, в частности Ч. Пирсона и его теорию корреляции.)

Реорганизация науки, по Кольману, — «важнейшая слагаемая в переделке миллионов людей, столь четко поставленная Сталиным» [25, с. 8]. И очень негодовал Кольман, что не получается в жизни командовать наукой, хотя он и ему подобные и путь указали, и все условия создали, а именно: «Мы готовы подписывать договоры на соцсоревнование, делать разные декларации по поводу плановой работы» [20, с. 38].

Справедливости ради следует заметить, что порой у Кольмана были и вполне здравые высказывания, но они подавались как его личное открытие в противовес всем прочим творческим математикам.

В математической жизни страны в 1930—1931 гг. произошли важные изменения.

В Москве Математическое общество «исключило реакционеров (Егоров, Фиников, Аппельрот). Оно расширилось за счет аспирантуры, включило прежний научно-педагогический кружок. Теперь Общество ведет борьбу за новый президиум: Кольман, Выгодский, Хотимский, Гельфонд... и др.» [28, с. 48]. В декларации инициативной группы по реорганизации Математического общества с негодованием отмечалось: «На арест своего председателя (Д. Ф. Егорова — *Н. Е.*) Общество никак не реагировало и назначило обычное деловое заседание с докладом ближайшего соратника Егорова по Институту и Обществу Финикова и исключенного только что из комсомола Куроша» [29, с. 70]. (Как известно, Д. Ф. Егоров был арестован и выслан в Казань, где в 1931 г. скончался в спецбольнице.)

Что касается О. Ю. Шмидта, который в это время уже не возглавлял математическую секцию в Комакадемии, то его обвиняли в «неправильной идеологической позиции в отношении математики» [27, с. 39] (имеется в виду его статья „Алгебра“ в БСЭ — *Н. Е.*) и в том, что многие немарксистские высказывания в печати проходили «при молчаливом покровительстве Шмидта» и т. д. [30, с. 16].

В отличие от ленинградской столь же инициативной группы в московскую входили талантливые математики. Они же заняли места в редакции «Математического сборника».

События в Ленинграде развивались несколько иначе, хотя сценарий был похожим.

Группа Лейферта, ориентируясь на Кольмана, Яновскую и Выгодского, пыталась также выступать с докладами по проблемам обоснования математики, но для этого она не была достаточно компетентной и посему ограничивалась общими фразами по историко-математическим вопросам и вопросам преподавания с марксистских позиций [31]. В 1931 г. были созданы бригады (коллективизм в работе!) разного толка, в том числе и по проработке трудов профессора С. А. Богомолова и методологических установок в трудах академика В. А. Стеклова.

Первая из этих двух бригад выступила 20 мая 1931 г. на диспуте в Педагогическом институте против книги Богомолова «Эволюция геометрической мысли», о которой уже писал Кольман в 1929 г. [24], обвиняя Богомолова в идеализме. Критиковалась и вся деятельность Общества ревнителей математического образования (ОРМО), неизменным председателем которого с основания Общества в 1924 г. был С. А. Богомолов. В резолюции этой дискуссии, проходившей под председательством Лейферта, Богомолову предлагалось письменно признать «свои ошибки». В результате ОРМО перестало существовать [32, с. 39—48].

Деятельность второй бригады по критике трудов В. А. Стеклова, видимо, не состоялась. Можно предположить, что здесь имелась в виду прежде всего книга Стеклова «Галилео Галилей» [33], написанная в 1920 г. и изданная в 1923 г. В этой книге, где речь шла о весьма отдаленной эпохе, Стеклов проводил достаточно прозрачную параллель

между церковной властью и правящей партией, выступал против «бесплодной диалектики». Организованный выпад против Стеклова не состоялся, вероятно, потому, что академик Стеклов, скончавшийся в 1926 г., сотрудничал с советской властью и должен был служить в глазах потомков образцом лояльности.

Главным своим достижением Лейферт и его группа считали работу «по расслоению ленинградских математиков». Они не без основания считали, что в Ленинградском университете сформировались три группы математиков. В «правую» группу входили Н. М. Гюнтер, В. И. Смирнов, Г. М. Фихтенгольц и др.; в «левую» — Лейферт, Кулишер, уже упоминавшийся Дрозд и прочие. Третья «промежуточная» группа состояла из «колеблющихся» И. М. Виноградова и А. М. Журавского. Видимо, такой классификации подвергались все ленинградские математики.

На более позднем этапе группа Лейферта сумела привлечь Виноградова и некоторых других хороших математиков к своим рядам.

Кампания против председателя Ленинградского математического общества Н. М. Гюнтера была начата перед выборами в Академию наук СССР, состоявшимися в 1929 г., причем альтернативной кандидатурой в академики от ленинградских организаций был И. М. Виноградов, который и был избран. Добавим, что еще в 1926 г., обсуждая возможных кандидатов в Академию наук на место скончавшегося Стеклова, академик Я. В. Успенский, хорошо относившийся к Гюнтеру и бывший его ближайшим соратником по Математическому обществу, писал академику А. Н. Крылову: «Я считаю наиболее сильным из них (т. е. С. Н. Бернштейна, Н. Н. Лузина, Н. М. Гюнтера и С. А. Чаплыгина — *Н. Е.*) с научной стороны Гюнтера, но как Вы знаете, у него есть свойства в изложении всего, что он делает, я бы сказал, портить самому себе, вследствие чего работы Н. М. оказываются неудобочитаемыми, а об авторе их складывается отчасти неправильное представление. К тому же не говорит в пользу Н. М. известная наивность его общественных выступлений, проистекающая, правда, из самых лучших побуждений. По всем этим причинам отстоять кандидатуру Гюнтера будет довольно трудно» [34, л. 1об.].

Гюнтер и руководимое им Физико-математическое общество обвинялось в отсутствии связи с советской общественностью, в малочисленности самого общества, в отказе от внедрения диалектического материализма в математику, в том, что общество не двинулось «навстречу походу за техническими знаниями» [30, с. 37]. Значение научных работ Гюнтера всячески умалялось на диспутах и в печати, разумеется, голословно. Общество обвинялось и в том, что «не подняло своего голоса, когда близкие Н. М. Гюнтеру профессора — Я. Д. Тамаркин, А. С. Безикович, а в самое последнее время бывший академик Я. В. Успенский, игравший видную роль в Обществе, один за другим эмигрировали» [там же].

Ситуация обострилась на Первом всесоюзном съезде математиков, проходившем в Харькове 24—29 июня 1930 г., когда московские и ленинградские математики-материалисты требовали послать приветствие проходившему в то же время XVI съезду партии. Академик С. Н. Бернштейн, член-корреспондент Д. Ф. Егоров, Н. М. Гюнтер и некоторые другие математики считали такой акт неуместным и ненужным. Приветствие, видимо, так и не было отправлено, иначе бы в брошюре [30], о которой еще будет сказано, компания Лейферта не писала бы только о своей борьбе за приветствие, обойдя молчанием результат. (По сведениям, полученным от члена-корреспондента АН Украины А. Н. Боголюбова, после съезда партии С. Н. Бернштейн, опасаясь ареста, вынужден был уехать из Харькова.) Зато на следующем съезде в Ленинграде в 1934 г. все нужные телеграммы с приветствиями были посланы — иное было уже немыслимым.

Продолжать, как прежде, работу Ленинградского математического общества в такой моральной обстановке было весьма рискованно, а потому, по совету В. И. Смирнова, Общество без всяких объявлений прекратило свою деятельность осенью 1930 г. [35, с. 6].

Период (1930—1931) — год «великого перелома» — продолжался. Научное общество марксистов объединилось с обществом воинствующих материалистов-диалектиков, а затем в сентябре 1930 г. из него выделилось Общество математиков-материалистов

при Ленинградском отделении Коммунистической академии, причем Лейферт стал его председателем. Общество получало конкретные инструкции не только от партийного руководства, но и от Кольмана, специально приезжавшего в Ленинград и 21 марта 1931 г. выступившего с докладом; другой его доклад 27 апреля 1931 г. был опубликован [21]. Приезжали в Ленинград с установочными докладами Яновская и Хотимский.

Новому Обществу срочно требовались участники, и их в массовом порядке вербовали, так что к ноябрю 1931 г. их было уже 88 человек, преимущественно аспирантов. Из известных в математических кругах лиц назовем: Г. М. Голузина, Б. М. Делоне, Л. В. Канторовича, Н. М. Кояловича, В. И. Крылова, И. Ф. Лохина, И. П. Натансона, Б. И. Сегала, В. А. Тартаковского, Д. К. Фаддеева, Г. М. Фихтенгольца.

Можно думать, что молодежь частично была привлечена желанием революционных перемен в математике, частично была вынуждена вступать в Общество, раз так надо и все вступают. Преподавательские кадры, вероятно, справедливо полагали, что, бойкотируя это Общество, будут отстранены от работы. Впрочем, причины у них могли быть различными.

Новое Общество, как уже говорилось, было заинтересовано в массовости, однако единственным известным автору математиком, предварительная записка которого о приеме его в члены этого общества была отклонена «ввиду неясности позиции, занимаемым подающим в настоящее время» [36], было написанное карандашом заявление доцента, позднее профессора Ленинградского университета О. К. Житомирского. В этом заявлении он писал: «Желая принять участие в положительной работе Общества, прошу принять меня в состав членов» [37].

30 марта 1931 г. «инициативная группа» математиков, часть которых ранее была членами Ленинградского физико-математического общества, выступила с декларацией своей активной в духе времени позиции и заявила о создании Ленинградского отделения Математического общества РСФСР. (Поясним, что предполагалась организация республиканского математического общества или, как его называли, «широкого общества» [30, с. 36—38]. Однако эта гигантская организация оказалась нежизнеспособной.) Декларацию подписали: академик И. М. Виноградов, профессора и научные работники Б. Н. Делоне, А. В. Дыман, Л. В. Канторович, Д. К. Кноль, А. Р. Кулишер, Э. Э. Лебедев, И. Ф. Лохин, В. В. Люш, Б. И. Сегал, И. А. Скопин, В. А. Тартаковский, Г. М. Фихтенгольц.

В конце 1931 г. вышла в свет брошюра «На Ленинградском математическом фронте» [30], подготовленная обществом математиков-материалистов. Вступительная статья с таким же названием анонимна, но написана явно не без влияния, а может быть, и участия Кольмана. Что касается заголовка, то он стандартен для того времени: повсюду были различные «фронты» — технический, медицинский, культурный, хозяйственный и т. д.

В брошюре с историческим экскурсом описывалось положение «на Ленинградском математическом фронте», определялись новые задачи Математического общества и приводились документы: декларация и проект устава Общества математиков-материалистов, декларация инициативной группы по реорганизации Ленинградского физико-математического общества и некоторые другие, в том числе письмо Н. М. Гюнтера в редакцию газеты «Ленинградский университет» и письмо С. А. Богомолова в редакцию газеты «За коммунистическое просвещение».

Письмо Гюнтера с признанием «ошибок» новоявленное общество только приняло к сведению, почувствовав за якобы покаянными строками, что Гюнтер все-таки остался Гюнтером.

Прошло немного времени, и вот на заседании партийно-комсомольской фракции Общества математиков-материалистов 21 февраля 1932 г. собравшиеся с изумлением узнали, что Лейферт снят со всех руководящих постов за то, что только «прикрывался диалектическим материализмом», проводя «поверхностную критику установки буржуазных математиков», что им «в самом толковании диамата допущены грубейшие ошибки», что, по существу, «никакой работы не было, за исключением брошюры «На Ленинградском математическом фронте», которая по своему содержанию представля-

ет весьма скудную в идеологическом отношении почву», а также за допущение «левацких загибов» и за то, что «борьба с буржуазно-реакционной частью профессоров носила декларативный характер» [38].

Оказывается, Лейферт был снят директоратом и партийной ячейкой Института естествознания при Ленинградском отделении Комакадемии, где он работал по совместительству так же, как и в Педагогическом институте. Директорат поставил вопрос и о дальнейшем существовании Общества математиков-материалистов. Тем не менее на следующем заседании 1 марта 1932 г. фракция, согласившись со снятием Лейферта, решила продолжить свою деятельность и выбрала своим председателем Е. С. Рабиновича.

Снова стали составляться планы, снова говорилось о партийности в истории математики, а критика шла уже в адрес Московской математической школы. Но, видимо, поступили новые инструкции, и 19 мая 1932 г. Е. С. Рабинович заявил о слиянии Общества математиков-материалистов с «широким» математическим обществом.

Несколько слов о дальнейшей судьбе Лейферта. Он был переведен, а точнее, выслан в университет в Ростов-на-Дону (такая мера применялась в то время часто), а ленинградские математики вздохнули с облегчением. Документальными сведениями о Лейферте после ростовского периода мы не располагаем, есть только легенды, а потому процитируем версию Н. Я. Виленкина: «В дальнейшем он поменял несколько городов и в конце 30-х годов оказался в Воронежском университете, где продолжал заниматься травлей ученых. По дошедшим до автора рассказам, Лейферт пытался преследовать известного советского геометра Н. В. Ефимова, работавшего тогда в Воронеже. Однако ночью накануне собрания, где должно было разбираться дело офицерского сына Н. В. Ефимова, Лейферт был арестован и, судя по всему, расстрелян, так как был связан с учениками Н. И. Бухарина из Коммунистической академии» [1, с. 98]. Лейферт сыграл свою роль, и властям больше был не нужен.

На Втором всесоюзном съезде математиков в 1934 г. «нужная» терминология использовалась достаточно широко, но при этом математики, в частности А. Н. Колмогоров, старались вложить в эти слова разумный смысл. Так, например: да, нужна коллективность в работе — это семинары, конференции, общение математических школ разных городов и т. п.

На этом кончается история «Ленинградского математического фронта». На фоне дальнейших событий в жизни страны она, может быть, кажется довольно безобидной. Но сколько сил, нервов было затрачено, сколько творческих замыслов не было реализовано — это подсчетам не поддается. Есть только факт — Математического общества в городе не стало, оно возродилось — только в 1959 г.

В заключение приведем слова В. А. Стеклова из его книги «Галилео Галилей»:

«Здравомыслящие люди поняли, что даже практически выгоднее хотя бы молчаливо подчиниться строгим выводам точной науки, чем осмеливаться выступать против них с заведомо негодными средствами, ибо годных и быть не может, разве что перерезать всех не лишенных здравого смысла людей, как турки во времена не столь давние задумывали перерезать всех армян, справедливо видя в этом единственное средство против их сепаратизма.

... С точной наукой и эта мера является средством только негодным. Род человеческий не переведется, вместо уничтоженных народятся новые, и часть из них, наверно, не без здравого смысла, по крайней мере. И тогда начнется прежняя история и попрежнему невежество потерпит в конце концов крушение.

... Не подлежит никакому сомнению, что многие высшие представители римского духовенства отлично понимали справедливость учений Галилея и в душе были вполне на его стороне. Тем не менее принуждены были говорить против доводов, не скажу — своей совести, — совесть вещь растяжимая, а своего ума, заглушить строгие веления которого, если они строги как в математике, невозможно. От них требовало того строжайшая партийная дисциплина той изумительно стройно организованной партии, постепенно захватившей в свои руки всю полноту власти, которая именовалась „св. католической церковью“.

Эта партия, в ослеплении своем от достигнутых ею успехов, вздумала подчинить

своей строжайшей дисциплине и светлый гений чистого разума! И здесь потерпела фиаско. Не сообразила, что свободный ум точного исследователя и мыслителя никаким заранее определенным и всегда неподвижным лозунгам никакой партии никогда подчиняться не может. Не было, нет и не будет такой силы, которая заставила бы его подчиниться этому требованию!

... Партия для поддержания своих интересов первостепенной важности требует лозунга: земля неподвижна. Всею силою власти заставляет ученого признать этот лозунг, грозит пытками, смертью; но ничто не помогает: одни сгорают живьем, не имея способности отказаться от противоположного лозунга, справедливость которого доказана разумом, другие издеваются над силою этой власти, обходят, обманывают ее, как Галилей и многие из друзей его, но остаются при своем, ибо от велений строгой и свободной мысли **физиологически** невозможно отказаться. И власть, требуя физиологически и физически невозможного, убивает рано или поздно свой собственный авторитет.

С наукой дьявольской ни в каком отношении шутить нельзя, и ее служителям должна быть предоставлена полная во всех отношениях свобода, и весь мир должен чутко прислушиваться к ее гениальным откровениям, которые проносятся над миром из века в век поверх всяких условностей данного исторического момента» [33, с. 98—100].

Список литературы

1. *Виленкин Н. Я.* Формулы на фанере // Природа. 1991. № 6. С. 95—104; № 7. С. 77—83.
2. *Браславский И.* Первое десятилетие советской высшей школы (1917—1927) // Вестник высшей школы. 1957. № 11. С.54—57.
3. *Воскобойников Б. Н.* Доклады О. Ю. Шмидта о перестройке высшей школы // Истор. архив. 1961. № 6.
4. *Воронов Е.* Интеллигенция и перевыборы советов // Известия ЦИК СССР. 1930. 20 января.
5. *Engels F.* Politisches Vermächtnis. Aus unveröffentlichten Briefen. Berlin, 1920.
6. *Энгельс Ф.* Политическое завещание (Из неопубликованных писем.) М., 1922; 2-е изд. М., 1923.
7. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 28. М., 1949.
8. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е. изд. Т. 38. М., 1965.
9. План работ Коммунистической Академии на 1928 — 1929 год. М., 1929.
10. С.-Петербургское отделение Архива РАН (далее — СПбОАРАН). Ф. 238. Оп. 1. № 107.
11. *Вышинский А.* Перевыборы профессуры // Известия ЦИК СССР. 1930. 3 января.
12. О подготовке технических кадров народного хозяйства // Известия ЦИК СССР. 1930. 14 января.
13. Вестник высшей школы. 1957. № 11.
14. *Вышинский А.* Итоги ректорского совещания // Известия ЦИК СССР. 1930. 29 января.
15. За всеобщее техническое обучение // Ленинградская правда. 1931. 6 июня.
16. *Кольман Э.* Только на основе марксистско-ленинской теории можно перестроить науку // Известия ЦИК СССР. 1931. 11 апреля.
17. *Кольман Э.* Современные задачи математиков и физиков-материалистов // Естествознание и марксизм. 1930. № 1 (5). С. 122—130.
18. *Кольман Э.* Политика, экономика и... математика // За марксистско-ленинское естествознание. 1931. № 1. С. 27—40.
19. *Кольман Э.* На новых путях // Фронт науки и техники. 1931. № 6. С. 10—15.
20. *Кольман Э.* Боевые задачи науки и техники и роль Коммунистической академии // Планирование науки и задачи Комакадемии и Академии наук. М.-Л., 1931. С. 26—40.
21. *Кольман Э.* Современный кризис математики и основные линии ее реконструкции // На борьбу за материалистическую диалектику в математике. М.-Л., 1931. С. 203—215.
22. *Кольман Э.* Предисловие // Листинг И. Б. Предварительные исследования по топологии. М., 1932.
23. *Кольман Э.* Математические науки — пролетарским кадрам // Математические науки пролетарским кадрам. М.-Л., 1931. С. 5—8.
24. *Кольман Э.* Божественная эволюция геометрической мысли (по поводу книги проф. Богомолова «Эволюция геометрической мысли») // Естествознание и марксизм. 1929. № 1. С. 157—159.
25. На борьбу за материалистическую диалектику в математике. М.-Л., 1931.
26. *Боярский А. Я., Ястремский Б. С.* и др. Теория математической статистики. М., 1931.
27. За поворот на фронте естествознания. М.-Л., 1931.
28. Реорганизация Московского математического общества // Математические науки пролетарским кадрам. М.-Л., 1931.
29. Декларация инициативной группы по реорганизации московского математического общества // Научный работник. 1930. № 11—13. С. 67—71.
30. На Ленинградском математическом фронте. М.-Л., 1931.
31. СПбОА РАН. Ф. 238. Оп. 1. № 107.
32. *Беспамятных Н. Д.* Степан Александрович Богомолов. Л., 1989.

33. *Стеклов В. А.* Галилео Галилей. Биографический очерк. Берлин, 1923.
34. СПбОА РАН. Ф. 759. Оп. 3. № 258.
35. *Вершик А. М.* О Ленинградском математическом обществе // Тр. Ленингр. матем. о-ва. 1990. Т. 1. С. 4—8.
36. СПбОА РАН. Ф. 263. Оп. 1. № 1.
37. СПбОА РАН. Ф. 263. Оп. 1. № 2.
38. СПбОА РАН. Ф. 263. Оп. 1. № 3.

Ю. И. КРИВОНОСОВ

ФИЗИКИ И ФИЛОСОФЫ ПРОДОЛЖАЛИ ШУТИТЬ...

Наука есть лучший современный способ удовлетворения любопытства отдельных лиц за счет государства.

академик Л. А. Арцимович

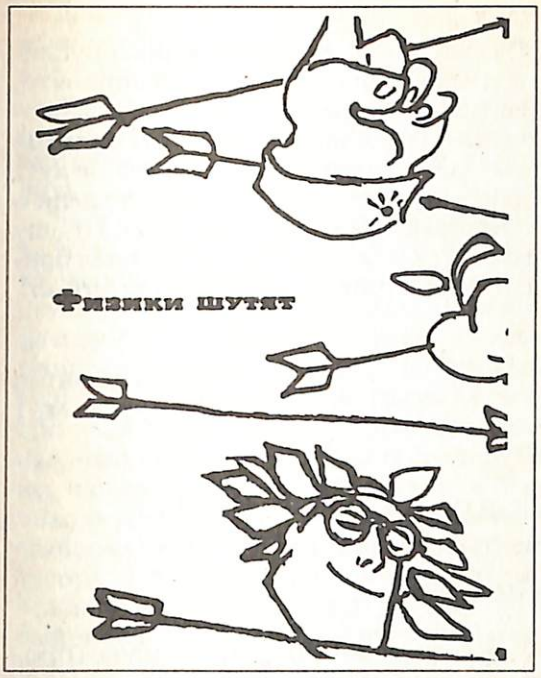
В конце 1969 г. в издательстве «Мир» вышла небольшая книжка «Физики продолжают шутить» [1], расширенный вариант более раннего издания «Физики шутят» (1966 г.)*. В научных кругах, особенно среди молодежи, она имела безусловный успех, ее читали, обсуждали, передавали коллегам, использовали в дискуссиях, многие афоризмы и притчи вошли в научный быт. Она позволила по-новому посмотреть на науку, лучше понять ее дух, почувствовать интерес к общению с ее выдающимися представителями и вкус к собиранию шуток, и не только физиков. В новое издание составители (Ю. Конобеев, В. Павлинчук, Н. Работнов, В. Турчин) включили приложение «По родному краю», показав, что и в нашей науке умеют и любят шутить, что чувство юмора присуще научному сообществу, живущему нормальной творческой жизнью.

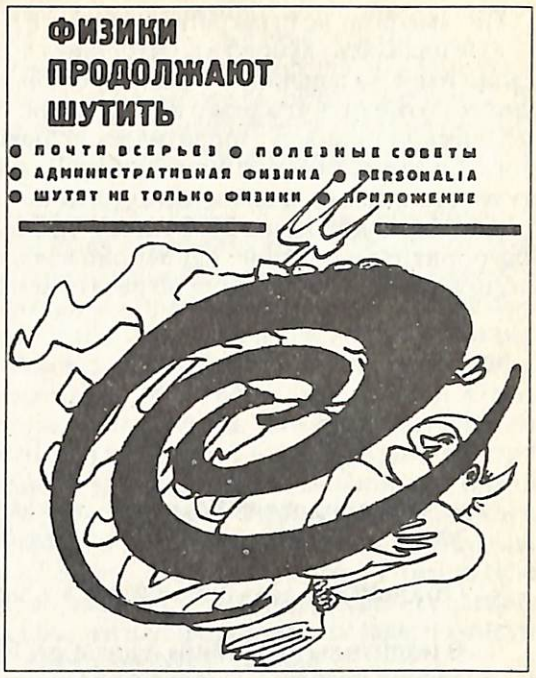
Однако мало кто, особенно за пределами Обнинска, мог знать о событиях, развернувшихся вскоре после выхода книжки, и о силах, вовлеченных в борьбу с ее составителями и издателями. Выход книги совпал с начавшейся в Обнинске (Калужская область) жесткой борьбой партийных органов с духом инакомыслия и вольнодумства, который сформировался в 60-е гг. в молодых научных центрах в период их становления. Историкам нашей науки, исследователям социальных процессов, сопровождавших развитие новых научных коллективов и в определенной мере замкнутых научных сообществ, возникших тогда в научных городках, еще предстоит обобщить этот интереснейший опыт и выявить его влияние на результативность научной деятельности. Сейчас речь о другом. Дух свободомыслия, даже в том робком проявлении, оказался опасным для системы, и наиболее рьяные и прямолинейные ее защитники направили все свои усилия на его полное искоренение.

В Центре хранения современной документации (ЦХСД), где находится архив бывшего ЦК КПСС, в делах отдела науки и учебных заведений и отдела пропаганды я обнаружил имеющее гриф «секретно» письмо в ЦК КПСС из Калужского обкома партии [2]. Письмо было отправлено 31 января 1969 г., т. е. вскоре после публикации книги (она была подписана к печати 4 ноября 1968 г.). В первой части письма говорится:

> Калужский областной комитет КПСС считает необходимым информировать о следующем:
>
> 1. Издательство «Мир» 300-тысячным тиражом выпустило книгу «Физики продолжают шутить» под общей редакцией доктора физико-математических наук В. Турчина. Составителями-переводчиками книги являются Ю. Конобеев, В. Павлинчук, Н. Работнов, В. Турчин.
>
> Калужский обком КПСС считает привлечение этих лиц к литературной ра-

* Последнее (3-е) издание «Физики шутят» вышло в идательстве «Мир» в 1993 г.





боте политической ошибкой. Павлинчук В. А., работая научным сотрудником Обнинского физико-энергетического института, явился инициатором распространения антисоветской литературы среди работников теоретического отдела института. Находясь в составе совета Дома ученых, он организовал публичные выступления в Обнинске лиц, известных своими антисоветскими взглядами (Якир, Снегов).

За распространение антисоветской литературы в марте 1968 г. Павлинчук В. А. был исключен из партии и вскоре после этого освобожден от работы в институте. Самым активным защитником Павлинчука и его антисоветских действий выступал другой автор книги, научный сотрудник того же института Работнов Н. С. Именно Работнов подвергся резкой принципиальной критике на страницах журнала «Коммунист» (№ 18, 1968) в статье т. Свиридова Н. В. за аполитичное безыдейное выступление в обнинской городской газете «Вперед». В январе текущего года за проявленную партийную беспринципность, за нарушение устава КПСС Работнову Н. С. объявлен строгий выговор с занесением в личное дело. Автором грязной антисоветской стряпни под названием «Инерция страха» является старший научный сотрудник Института прикладной математики Академии наук СССР, беспартийный Турчин В. Ф., ранее работавший в Обнинске. В своей работе он делает попытку подвергнуть ревизии некоторые положения марксизма-ленинизма, обращается с демагогическими призывами к интеллигенции, пытаясь привлечь к борьбе за так называемую «демократизацию» нашего общества. Распространением антисоветских материалов занимался и автор книги, научный сотрудник ФЭИ, беспартийный Конобеев Ю. В. По нашему мнению, издательство «Мир» проявило политическую близорукость, заключив договор на переиздание книги с такими авторами.

Не вдаваясь глубоко в содержание книги, тем не менее мы считаем, что в ее новом разделе — приложении «По родному краю» дается грязный пасквиль на работников советской науки, на утвержденный порядок защиты научных диссертаций, на проведение деловых совещаний и заседаний. В целом же книга ни в какой степени не может служить делу идейного воспитания нашей научно-технической интеллигенции, а в случае ее распространения за рубежом может дать искаженное представление о деятельности советских ученых.